

Экономика во время пандемии и после нее

Александр А. Аузан¹

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, 199911, Россия*

Получено 9 April 2020 ♦ Принято в печать 18 April 2020 ♦ Опубликовано 22 April 2020

Цитирование: Auzan AA (2020) The economy under the pandemic and afterwards. Population and Economics 4(2): 4–12. <https://doi.org/10.3897/popcon.4.e53403>

Аннотация

В статье обсуждаются особенности текущего глобального экономического кризиса, возможности использования кризиса в качестве условия нового пути развития. Подчеркнуто, что кризис, вызванный внешним шоком (пандемией), сильно отличается от других видов экономических кризисов и может иметь цивилизационные последствия. Пандемия — это плата за глобализацию. В ходе экономического кризиса правительства сталкиваются с нерешаемой дилеммой: сохранение жизней или сохранение экономики (т.е. будущих жизней). Общество в такой период имеет шанс улучшить траекторию своего развития (сменить колею). В частности, автором обсуждаются институциональные изменения, необходимые в современной России для развития событий — изменение налоговой системы и реформа силовых структур.

Ключевые слова

COVID-19; глобализация; пандемия; экономический кризис; проблема колеи

Коды JEL: B52, O43

Наверное, не только у меня сложилось такое впечатление, что високосный 2020 г. все перевернул, мы находимся в каком-то театре абсурда. Поэтому говорить о прогнозе в таких условиях — это чрезвычайно проблемная вещь, потому что обычная для современного мира параметрическая неопределенность, когда меняются цены, курсы, пропорции, сменилась структурной неопределенностью. Мы не знаем, каким будет мир после того, как пройдет через сложный системный кризис, и при этом он во многом зависит от того, как мы будем себя вести, что мы будем делать, думать, предпринимать, советовать, реализовывать в это трудное, жестокое время.

Как устроен этот кризис, откуда он взялся, какие существуют стратегические возможности в этом кризисе? Какие опасности и возможности связаны с действиями правительств после кризиса?

Пандемия — это не пришествие инопланетян, но и нельзя сказать, что это вторжение никак не связано с нашей предшествующей жизнью. В истории всегда процессы экономического сближения стран и образования государственных союзов, империй сопровождалась пандемиями. Рим, объединивший вокруг себя тот мир, который тогда считал себя практически полным миром, отметился Антониновой чумой. Расцвет Византии связан с Юстиниановой чумой. В истории Монгольской империи, одного из крупнейших государств — может быть, крупнейшего, существовавшего в мировой истории — была «черная смерть», чума XIV в. В этом смысле COVID-19 стоит в этом неприятном ряду, как и испанка начала XX в.

В чем заключается механизм нынешнего кризиса? Почему глобализация, соединение народов и экономик между собой несут такую опасность? Понятно, что обособленное существование народов создает экоценоз, когда болезнь долго ходит по определенной части континента, там происходит иммунизация, и люди не так сильно на нее реагируют. Но когда из Азии чума перекидывается в Европу, это оказывается полной катастрофой.

Но не надо обвинять Восток и Азию, потому что можно назвать случаи, когда Европа была источником инфекции для других стран. Например, Монголия получила страшный удар, когда европейские путешественники занесли туда сифилис, импортированный до этого то ли из Африки, то ли из Америки. А американские индейцы Перу и Чили, процветающих цивилизаций Мексики погибли в значительной степени не от мечей и ружей конкистадоров, а от того, что бактерии пришли вместе с европейскими завоевателями и оказались гораздо более злобными уничтожителями. Существует связь между хорошо налаженными транспортными сетями, быстрым сообщением и риском эпидемий. Поэтому из Китая в короткие сроки пандемия перекинулась на Италию, и Италия стала европейским и мировым центром пандемии.

Теперь обратим внимание на второй факт, который многие считают удивительным. Посмотрите, как правительства всех стран, куда пришла болезнь, прореагировали — вплоть до введения военных режимов. Фактически нет других тем в медиа, кроме эпидемии. Чем это объясняется? Большими потенциальными человеческими потерями? Я осмелюсь напомнить, что грипп каждый год уносит от 400 до 600 тысяч жизней, а в дорожно-транспортных происшествиях на дорогах мира погибает 1 350 000 человек в год. Да, конечно, пандемия опаснее обычного гриппа, но нельзя сказать, что правительство против обычного гриппа применяет свои силы в 5 раз меньше, это не так.

Мне представляется, что сильная реакция правительств разных стран объясняется еще и тем, что та повестка дня, которая образовалась в мире в начале 20-х годов XXI в., не очень устраивает многих из них. Две проблемы в разных частях света стали самыми главными: проблема социального неравенства и проблема изменения климата. И та, и другая проблема требуют действий по ограничению своих элит или сложных договоренностей с чужими элитами. Но в результате возникновения чрезвычайной ситуации произошло замещение повестки, и правительства получили права распоряжения бюджетами и управления — и это, конечно, тоже важный мотив, хотя и ответственность правительств велика.

Еще один вопрос. Есть ли особенность в том, что происходит, если смотреть на происходящее как на кризис экономический, социальный и системный? Это не похоже на кризисы 1997–1998 гг., 2008–2009 гг. и тем более 2014–2015 гг., когда шли колебания валютных курсов, это нечто совершенно иное. Данный кризис возник в результате внеш-

него шока. Такие в истории встречаются, но в общем они не очень часты. И отличается также экономическая динамика. При обычном кризисе падает все, кроме ставки овер-найт, цены денег на одну ночь. А при этом кризисе (когда есть внешний шок) какие-то активы, ресурсы падают в цене — нефть, акции транспортных, туристических компаний, но есть то, что сильно растет, — фармацевтическая отрасль, цифровые сервисы.

Понятно, что нынешний кризис очень сильно влияет на институты и отношения, фактически возник кризис конкуренции. Назначаются компании, которые должны то или иное делать для чрезвычайного времени. И эти полномочия — достаточно обычная, хотя и рискованная вещь: применяются методы, которые ограничивают привычную бизнес-активность. В то же время спрос резко меняется. Дистанционная доставка, дистанционные технологии, развлечения в цифровом мире растут на порядки, и мирохозяйственные связи перестраиваются. Мы, наконец, понимаем, где у нас были реальные зависимости, например от китайских комплектующих, и насколько мы их можем заместить. И это относится не только к России, но и ко всем странам.

Таким образом, мы имеем необычного рода кризис, и некоторые думают, что это конец глобализации. Нет, это не конец глобализации.

Давайте посмотрим на дело шире, не на 5, 10, 20 лет, а на столетие назад. Если мы по основным параметрам открытости торговли, финансовой интеграции, международной миграции оценим, что происходило в прошедшем веке, то окажется, что самый высокий уровень интеграции был достигнут не когда нам казалось — в конце XX в., а в 1913 г., перед Первой мировой войной [Broadberry, O'Rourke, 2010]. Фактически глобализация — это не линейный, а колебательный процесс, где бывают приливы и отливы. И отлив глобализации начался совсем не в январе 2020 г., а после кризиса 2008–2009 гг. Стала падать доля международной торговли, начались торговые войны, особенно сильная — это американо-китайская торговая война 2018 г.

Поэтому я бы сказал, что не надо поддаваться ложному прогнозу, глобализация не закончится, она вернется — за отливом наступит прилив. Кстати, думаю, что мы сейчас находимся на нижнем экстремуме этой колебательной кривой глобализации, и поэтому неизвестно, может быть, отсюда пойдет перелом, если возникнут новые методы кооперации стран в связи с эпидемией. Хотя сейчас, безусловно, мы огораживаемся друг от друга и пытаемся не продолжать прежние способы взаимодействия.

В конечном счете про будущее нас интересует ведь не то, пойдет глобализация вверх или вниз, а где мы окажемся на этой кривой, изменится ли соотношение основных игроков — Китая и США, как будет выглядеть Россия. Здесь я опять предлагаю посмотреть на дело шире.

Если смотреть на дальнюю перспективу, то выясняется, что есть некие устойчивые дороги, траектории, по которым движутся страны, и на этих траекториях их экономический рост неким образом предопределен, детерминирован. Это было выяснено Ангусом Мэдисоном [Maddison, 2007], замечательным британским исследователем, который свел в одних таблицах данные по валовому продукту на душу населения по всем странам мира за время с 1820 г. и до XXI в., и выяснилось, что фактически есть первая и вторая космические скорости. Все развиваются определенным образом, но основная часть стран, примерно 175, — околоземная орбита, а 35 стран уходят в отрыв. Это вторая космическая скорость. А есть еще страны, которые за XX в. переключили скорость с первой на вторую, например Япония.

Эти траектории образуются нередко в результате подобных кризисов. Скажем, знаменитая чума, «черная смерть» XIV в., которая в Москву пришла в 1353 г., раз-

делила страны Европы, потому что в Западной Европе начались предпосылки для значительного экономического развития, а восточногерманские земли, Румыния и русские земли пошли на так называемое второе издание крепостничества. У нас возникли такие институты, которые сильно препятствовали нашему развитию, хотя иногда были и инструментами скачков, а потом падений. Не обязательно внешний удар создает подобные условия, бывают и ошибки институционального выбора. Скажем, Англия и Испания за несколько веков развивались по-разному, и расхождение спроецировалось на Южную и Северную Америки, на конкуренцию Соединенных Штатов Америки с Аргентиной, потому что, как показали исследования, дело было в налоговых решениях, принятых в Испании и Англии [North, 1990]. Оказывается, принципиально важно, чтобы налогоплательщик мог контролировать формирование своих налогов, и тогда будут инвестиции, а если нет, то тогда будет растрата больших ресурсов и ориентация на захват ренты.

Поэтому именно сейчас во многом определяются дальнейшие пути развития, и зависит это не только от внешних ударов, но и от того, какие решения мы принимаем. По существу, развитие может возникать из двух источников. Один — это внешний шок, например эпидемия, существенное изменение климата. Несколько лет тому назад у нас, на экономическом факультете МГУ, состоялась конференция по проблемам экономического развития, мы делали ее вместе с Российской экономической школой и Университетом Намюра. Профессор Гарвардского университета Натан Нанн сделал доклад, показавший связь между изменчивостью климата и тем, как идет развитие тех или иных стран сейчас. Оказалось, что страны, затронутые похолоданием малого ледникового периода, выработали в себе способность к изменениям, адаптивность, большую инновационность [Giuliano, Nunn, 2017]. Радует, что Россия в XVII в. была сильно затронута этим похолоданием, т.е. у нас неплохие предпосылки для того, чтобы что-то менять к лучшему.

Другая схема изменений в истории — это схема институциональных изменений с кумулятивным эффектом, автор которой — Дуглас Норт [North, 1989]. Напомню, первую схему предложил научному сообществу Гарольд Демсетц [Demsetz, 1974]. По Норту, у нас внутри вырастает то изменение, которое потом меняет общественные порядки. Иногда это происходит совершенно неожиданным образом. Роберт Фогель, замечательный историк, получивший Нобелевскую премию вместе с Дугласом Нортом, показал, что это происходит путем изменения в ценностях, вкусах и предпочтениях [Fogel, Engerman, 1974; Fogel, Engerman, 1995]. Например, американское плантационное рабство было отменено не потому, что оно стало экономически нецелесообразно, а потому, что у людей созрело представление о том, что рабство — это нехорошо. Вот так внутренняя эволюция, незаметная, не связанная напрямую с экономикой, приводит к колоссальным изменениям в ней, неожиданным, например, для европейских стран, которые фактически выступали на стороне Юга в Гражданской войне в США.

Надо отметить, что и российская история нам показывает такие примеры, когда внутренний кумулятивный процесс прорывается большими изменениями. Например, об отмене крепостного права писали еще те, кто давал советы Екатерине II по реформам, когда Указ о вольности дворянства был подписан, а о вольности крестьянства — нет. А когда это свершилось? Когда в обществе сформировалось мнение, что крепостничество — это гадость, когда «Муму» была написана (1852), великая книга И.С. Тургенева, которая перевернула представления многих. Поэтому кумулятивный

процесс тоже идет, есть и шок, есть и то, что возникает внутри нас, связанное с накоплением опыта, появлением новых навыков.

Как это все работает в новой ситуации? Я бы назвал трагической дилемму государственной политики в условиях пандемии. Правительства с ужасом взирают на Сциллу и Харибду. Жесткий карантин нужен для снижения смертности, но этот жесткий карантин убивает экономику, а значит, подрывает условия поддержания жизни. Фактически это означает, что для принятия решений у правительств есть два ограничения. Первое — в краткосрочном периоде в 1–2 месяца сдержать рост эпидемии. Чтобы мощности здравоохранения не перегрузить, чтобы хватило возможностей реанимации, необходимой аппаратуры, врачей. Но есть и второе ограничение — в краткосрочном периоде в 6–12 месяцев нужно как-то поддержать экономическую активность на необходимом уровне, чтобы не началась эрозия, разрушение экономической и социальной инфраструктур, потому что с ней погибнет и инфраструктура здравоохранения. И тогда второй удар эпидемии, который совершенно не обязателен, но и не исключен (вспомним, что испанка 100 лет тому назад приходила трижды), мы не выдержим, если не обеспечим чуть более длинные задачи, жизнь и дыхание экономики.

Российское решение вопроса, как я его понял из обращения президента 8 апреля 2020 г., состоит в том, чтобы сбалансировать по регионам ситуацию, ввести полицентрическое региональное управление режимом карантина и экономической активности, допускать экономическую активность всюду, где ее можно допустить, не допускать там, где существуют центры эпидемии. Но это политика выживания в данной ситуации. А задача состоит не только в том, чтобы просто выживать.

Возвращаясь к специфике шокового кризиса, обращаю внимание на то, что есть три возможных приоритета, не учитывать которые было бы ошибочно.

Во-первых, мы видим, что правительство никак не может решиться распечатать «кубышку», Фонд национального благосостояния. Я думаю, что эскалация государственной финансовой помощи нужна для восполнения выпадающего спроса, массовой социальной поддержки населения. Что реально происходит в апреле 2020 г. в России? Президент объявил, что в стране нерабочий месяц, последствия которого в основном переложены на плечи бизнеса и других действующих организаций. Мне это напоминает попытку остановить врага плохо вооруженными дивизиями народного ополчения. Это надо для того, чтобы выиграть время и подтянуть сибирские дивизии, но уже пора, мне кажется, вводить в бой сибирские дивизии, т.е. использовать возможности Фонда национального благосостояния.

Мы с коллегами по экономическому факультету в кооперации с Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН сделали прогноз: для компенсации выпадающего спроса нужно хотя бы 2 трлн руб. в год. Сумма не сумасшедшая, и она не обеспечит процветание тем, кому достанется, но это то, что важно и нужно. Я напоминаю, что нынешний кризис идет от падения спроса, как на нефтяном рынке, когда произошло катастрофическое снижение спроса, выбыла китайская экономика, а сейчас выбывают европейская и американская. Проблема состоит в том, что без компенсации спроса невозможно обеспечить работу экономики, без социальной поддержки населения — тоже, потому что на эту поддержку рассчитывают. Все помнят январское президентское послание, которое, по оценке Алексея Кудрина, является одним из самых дорогих в истории (озвучена социальная помощь в 3–4 трлн руб. за несколько лет), и обещания в этих условиях важны, потому что чрезвычайно важен уровень доверия, для того чтобы пройти через кризис.

Включение государственной помощи абсолютно необходимо, его не надо откладывать. Мы не обойдемся балансированием отпускания экономики и карантинных режимов, откладыванием тех или иных выплат, это не решение — все же придется вливать государственные деньги.

Мы делали копилку на черный день, теперь у нас идет спор о том, может ли быть день еще чернее, чем тот, который мы имеем сегодня. У правительства, национального банка есть около 8 трлн руб. в Фонде национального благосостояния, остатки на счетах правительства, все деньги бюджета, которыми правительство располагает, а это около 18 трлн руб., в общем, сумма немалая. Еще есть золотовалютные резервы Банка России, они несколько снизились потому, что размещение в юань их уменьшило, и в целом цена золота снижается. Но, заметьте, здесь несколько линий обороны: перераспределение бюджета, Фонд национального благосостояния и возможность использования части средств золотовалютных резервов, потому что они и так используются на стабилизацию курса.

Почему я считаю, что пора подключать «кислородную подушку»? Потому что нельзя думать, будто деньги только расходуются, но никак не пополняются. Если у вас экономика живет и работает, она продолжает наполнять бюджет. Поэтому я полагаю, что не надо считать, что в этой игре деньги образуются только из правительственных фондов, эти деньги, инвестированные в улучшение экономической ситуации, возвращаются из растущей экономики.

Как вливать? Это довольно серьезный вопрос, и я бы сказал, что это второй принцип, может быть, по значению даже более важный, потому что он касается выбора пути развития. Что мы поддерживаем? Мы латаем дыры и заливаем беды деньгами? Нет, давайте вернемся к тому, что именно в шоковых кризисах иногда выбираешь неправильную дорогу, а соскочить с нее потом не удастся десятилетиями, возникает эффект колеи, затягивание в определенную траекторию. Поэтому нам очень важно не просто не попасть туда, но, может быть, и исправить чрезвычайно важные вещи, которые мы не могли исправить до этого удара. Шоковый кризис — это ведь удар, который может выталкивать страну, общественные отношения из колеи, в которой они оказались.

Мне представляется, что самыми важными являются вопросы налогов и технологий. Почему я говорю о налогах? Я напоминаю, что ошибочное решение о том, как образуются налоги, погубило Испанию в ее конкуренции с Великобританией. Вот сейчас встает вопрос о том, как помогать 22 падающим отраслям — турагентствам, транспортным предприятиям, гостиничному бизнесу и т.д. Надо помогать? Да, надо, но помогать можно по-разному. Я активно поддерживаю идею, что помощь им надо оказать за счет тех налогов, которые они платили в 2019 г. Это были успешные отрасли, они сделали большой вклад в бюджет. Мы имеем лучшую в мире систему налогового администрирования Михаила Мишустина, вполне можем определить субсчета для каждой компании, сколько она внесла, и в размере этого субсчета дать ссуду на три года, заем, который будет возвращен. Речь идет именно о ссудах, не о субсидиях. Субсидии уместны тогда, когда предприятия не работают, а зарплату они должны платить, и по решению властей надо выдавать субсидии. А здесь должны быть ссуды из собственных налогов. Почему это важно? Не надо сейчас поддаваться тому, что время экстремальное, как разделим, так и разделим, кому нужно, тот возьмет. Нет, кто не платил налоги, может получить поддержку, а кто платил, может не получить. Надо устанавливать норму, что налоги — это не только обязанность, это право на получение определенных услуг со стороны государства.

Кроме того, у нас скоро может возникнуть кризис в управлении жилищно-коммунальным хозяйством, потому что фактически гражданам разрешили не сразу платить, не совсем платить и т.д. И в этом случае мы скоро можем захлебнуться не только в финансовых проблемах.

Нужно ли помогать операторам ЖКХ в этих условиях? Обязательно, только каким образом и на каких условиях? На мой взгляд, это правильный момент для инвестиций в старую инфраструктуру, ее модернизацию, причем с использованием растущих цифровых активов, например, где цифровые двойники могут быть применены к модернизации. В чем смысл этих приоритетов? Мы не вопрос сегодняшнего дня решаем, мы решаем вопрос о том, по каким направлениям пойдет развитие страны, и можно ли исправить ошибки, которые были совершены. Сейчас время и для масштабной налоговой реформы, на мой взгляд, и для новой технологической политики, потому что шоковый кризис поднял определенные вопросы. Если в этих условиях вы решитесь на серьезные налоговые реформы, то сможете не только падающих поддерживать, но и растущим дать возможность двигаться в будущее, тем цифровым секторам, которые у нас внезапно на глазах разворачиваются.

В период кризиса возникает желание вернуться в прежнее состояние. Вот давайте вернемся в тихий, как теперь оказалось, и благополучный 2019 г. Такое же желание возникло во время кризиса 2008–2009 гг., но экономисты убеждали, что в прежнюю модель вернуться нельзя, надо принимать определенные меры. Но этого не произошло, поэтому, как вы помните, страна потеряла темпы роста после восстановительного периода и, в общем, так их и не набрала, мы не перешли на другую инвестиционную модель.

Я считаю, что кризис — это время для поворотов, и поэтому вполне возможны серьезные институциональные реформы по двум направлениям. Первое — это налоги, потому что мы оказались в очень странном положении. Благодаря успехам Михаила Мишустина, мы имеем хорошее налоговое администрирование при плохой налоговой системе, которая душит экономику. Нельзя требовать: «Давайте разрушим наше лучшее в мире налоговое администрирование, потому что у нас плохая налоговая система». А чем она плохая? Давление косвенных налогов, неправильное администрирование, то, что за человека его подоходный налог платит предприятие, человек живет в Московской области, а деньги достаются Москве, или он живет в Ленинградской области, а деньги остаются в Петербурге. Поэтому считаю, что сейчас пришло время налоговой реформы, когда нужно понизить налоговую цену труда. Социальные налоги создают плохой эффект, они формируют стимул для использования дешевого труда, создают в экономике стимул копать котлованы, а не делать новые программные продукты. Поэтому необходимо резко снизить социальные налоги не только для малого бизнеса, но и для всего бизнеса, потому что все-таки не на основе микробизнеса, наверное, у нас произойдут качественные изменения и появятся достижения в глобальной конкурентоспособности. Хотя и малый бизнес может внести свою лепту.

Возвращение администрирования человеку, появление способов давить на муниципалитет, перемещаясь со своим подоходным налогом, селективные налоги (то, что мы предлагали, разрабатывали в Центре стратегических разработок, когда делали «Стратегию 2018–2024» для России) [Аузан и др., 2017], возможность налоговым рублем голосовать за то, куда его вкладывать, хотя бы частью подоходного налога, — вот что необходимо сделать.

Кроме налоговой реформы я бы назвал еще одно важное направление институциональных изменений. От чего пытаются освободить бизнес? От проверок, срочных платежей и т.д. А самые высокие издержки у бизнеса от чего? От давления силовых

органов. Нам нужна реформа силовых органов. В мире существуют две схемы контроля элитами инструментов насилия. Первая схема малоуспешна в подавляющем большинстве стран, когда инструменты насилия элиты делят между собой. «Тебе — военно-морской флот, мне — военно-воздушный, тебе — следственный комитет, мне — прокуратуру». И возникает конкуренция за экономические поля силовых структур. А есть страны, где за силовыми институтами осуществляется коллективный контроль. Такая вторая схема коллегиального контроля существовала в СССР. Была такая поговорка: «ЦК не цыкнет, ЧК не чикнет». Политбюро ЦК КПСС контролировало силовые службы. Великий маршал Победы Жуков был устранин не то что из армии, из общественной жизни, для того чтобы один человек не влиял на вооруженные силы. Юрий Андропов, избранный Генеральным секретарем, был отлучен от родного для него КГБ СССР. И это правильная схема. Поэтому я полагаю, что сейчас надо проводить реформу Совета безопасности, вводить там экономический блок, смотреть, какие издержки генерируют силовые службы. И это, как ни странно, антикризисная мера. Более того, я полагаю, что и самим силовым службам эта изнурительная экономическая война не нужна.

Поэтому эти две меры я бы считал срочными институциональными шагами. Налоговые дела поправить (они у нас в принципе неверно были выстроены в начале 1990-х гг.) и разобраться с силовыми службами.

Еще один очень важный вопрос. Есть ли сейчас у государства кредит доверия, растрчивает ли государство кредит доверия в настоящее время, применяя чрезвычайные меры, которые, возможно, непопулярны и не нравятся многим? Или же наоборот, эти сложные времена приводят к тому, что государство — не обязательно в России, но и во всем мире — усиливает лидерство, люди будут сплываться вокруг государства и доверие к государству будет возрастать?

Обсуждение темы доверия к разным институтам власти было инициировано руководством Совета Федерации, но не смогло состояться из-за введения карантинных мер.

Во всем мире в последнее десятилетие доверие к институтам государственной власти падало, т.е. власти всех стран вошли в этот кризис в условиях довольно низкого уровня доверия. Что произойдет дальше? А это зависит от того, что смогут сделать власти. Определенный кредит доверия власти в условиях кризиса выдается в условиях, когда люди гибнут, когда нужно резко менять режимы. Даже критически, оппозиционно настроенные люди начинают требовать объявить чрезвычайную ситуацию, чтобы было юридически понятно, как все происходит, чтобы было понятно, что есть основание для компенсации, что есть форс-мажор для деловых отношений. Сейчас фактически властям во всем мире выдан некоторый кредит доверия, при том что накануне доверие было низким. Если говорить о России, то достаточно высокий уровень доверия отдельным институтам власти не удержался с весны 2018 г., и в России существует кризис доверия, как и в некоторых других странах.

Сейчас идет тестирование выданного властям доверия. Те правительства, которые не справятся, усугубят кризис доверия. Те правительства, которые справятся с этой задачей, восстановят доверие к себе, институтам исполнительной и законодательной власти.

Чем уникален кризис 2020 г.? Мы имеем очень важные исходные точки будущего. Это не позволяет нам предсказать отраслевую структуру 2021 г. или цены активов, потому что этот кризис вверг нас в ситуацию структурной, а не параметрической неопределенности. Но есть две важные черты, которые создают надежду на то, что изменения в мировой экономике в известной степени зависят от нас.

Во-первых, мы все принудительно, форсированно цифровизируемся. Значительная часть населения и правительств уже не благодаря наличию каких-то специальных программ цифровизации, а по необходимости вошли в цифровой мир. Это несет в себе и новые возможности, и новые угрозы, потому что правительство сейчас вполне готово к тому, чтобы провести цифровую идентификацию граждан — и тут возникают предпосылки для тоталитарной схемы управления. Однако теперь люди могут преодолевать закрытые границы через виртуальное общение, такое сетевое общение и обсуждение вряд ли когда-либо было возможным.

И во-вторых, пожалуй, впервые возникло сочленение обеих схем институциональных изменений — кумулятивной и шоковой. Поэтому я думаю, что зреют масштабные изменения. Миллиарды людей во всем мире в условиях самоизоляции и карантина сидят день за днем, неделя за неделей и думают, разговаривают, переписываются, читают, обсуждают, спорят! О чем? О себе, стране, мире. Я думаю, что впереди перемены во вкусах и предпочтениях, те, которые сформируют неожиданные новые форматы в мире. Я не хочу сказать, что новый мир будет хорош, — я не знаю, в чем он будет хорош, в чем он будет плох. Я могу представлять какие-то схемы, скажем, безлюдных фирм, глобальных сетей, когда люди через глобальную сеть работают в других странах, фирм, где есть собственник и нет менеджмента, при том что есть персонал, — все это возможно. Но главное, что я знаю про этот мир, что он будет другим, он будет иным. А каким — это зависит от того, что мы с вами сейчас надумаем в ходе этого принудительного исследования себя и мира.

Статья написана по материалам одноименной лекции, прочитанной профессором А.А. Аузаном 9 апреля 2020 г. в рамках проекта МГУ имени М.В. Ломоносова «Диалог о настоящем и будущем». URL: <https://www.econ.msu.ru/COVID-19/Auzan>.

Литература

- Аузан А.А., Авдиенкова М.А., Андреева Д.А., Бахтигараева А.И., Брызгалов В.А., Бутаева К.О., Вебер Ш., Золотов А.В., Никитин К.М., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.С. 2017. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. М.: Центр стратегических разработок.
- Broadberry S., O'Rourke K.H. 2010. *The Cambridge Economic History of Modern Europe*. Cambridge University Press, Cambridge. 2 vols.
- Demsetz H. 1974. *Toward a theory of property rights*. *Classic papers in natural resource economics*. Palgrave Macmillan, London: 163-177.
- Fogel R.W., Engerman S.L. 1974. *Time on the Cross: Evidence and Methods - A Supplement*. Little, Brown and Company, Boston. 286 pp.
- Fogel R., Engerman S.L. 1995. *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery*. Vol. 1. WW Norton & Company, New York. 267 pp.
- Giuliano P., Nunn N. 2017. *Understanding cultural persistence and change*. National Bureau of Economic Research, №. w23617.
- Maddison A. 2007. *Contours of the World Economy I-2030AD*, Oxford University Press, Oxford.
- North D.C. 1989. *Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction* // *World Development*. 9(17): 1319-1332.
- North D.C. 1990. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press, Cambridge.

Сведения об авторе

- Александр Александрович Аузан, д.э.н., профессор, декан экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: dean@econ.msu.ru.